

Из рассказа ветерана СМЕРШа СССР

"В 1945-1946 годах мы перебили банды (ОУН) на уровне куреней, кошей и сотен. А вот службу безопасности ("безпеки") этих жесточайших палачей нам добить толком не дали. Когда в 1946 году мы вышли на уровень надрайонного руководства, следы потянулись в ЦК Украины во главе с Хрущёвым. Тут нас и остановили".

Когда в 1920 году в Праге собрались бывшие офицеры Австро-Венгерской армии родом из Галиции (территория современной Западной Украины) и создали свою Украинскую военную организацию, то в первую очередь они создали систему связи и административную структуру организации.

В этом деле им в 1930-х годах помогали ОВРА (итальянская тайная полиция), немецкая служба безопасности СД и военная разведка АБВЕР, готовившая кадры в своих школах в Варшаве и под Берлином. Они эту структуру доработали и отшлифовали.

В 1943 году весь этот масштабный проект был запущен на полную катушку. Нашей армии пришлось после уничтожать УПА численностью 100 тысяч человек.

Чтобы иметь возможность содержать такую армию, ОУНовцы поступили следующим образом. Взяли за административную единицу село, в котором должно быть не менее двухсот дворов. Если в селе не набиралось столько, то объединялось несколько, до нужного количества.

Дальше националисты действовали по тройственной системе, т. е. три села объединялись в станицу, три станицы в подрайон, три подрайона в район, три района в надрайон, три надрайона в виддил.

Надрайон и виддил у них были областными структурами, а всю территорию Украины поделили на четыре части (луча). Во главе всех этих лучей стоял Центральный провод ОУН во главе с Проводником.

Основным был луч "Захид" - северо-западный, включающий в себя Галичину и Закарпатье, остальные были второстепенными и поддержкой местного населения не пользовались.

Давайте пойдём по схеме снизу вверх и рассмотрим ее уровни и звенья

Вот уровень села. Это - основа основ всей структуры. На базе села существовали различные мастерские по всем видам ремонта, цеха переработки сырья и пошива одежды и т. д. и т. п. Вся хозяйственная часть была очень похожа на наши колхозы и совхозы.

Бандеровцы после начала войны не стали разгонять эти организации, а использовали их как очень удобные для себя структуры. У них была жесткая плановая система. Заранее давалось задание, кто и что должен вырастить, посадить, заготовить, а осенью сдать.

Всей этой службой заготовки в селе руководил господарчий, он был главный заготовитель - хозяйственник. После заготовки все сдавалось под расписку станичному села. Станичный в селе был в роли председателя колхоза, который ведал всеми ресурсами.

Обычно все заготовленное хранилось в лесу, в схронах, на высоком, сухом месте, хорошо замаскированное. Все тщательно учитывалось, велись записи по приходу и расходу материальных ценностей и станичный всегда знал, какими запасами, на какое количество людей он располагает. В случае надобности он ехал в лес, привозя необходимое количество припасов, и распределял среди тех домов, у которых были на постое боевики.

Обычно на селе стоял рой, или, по-нашему, взвод, поэтому размещение боевиков в селе

не ложилось нагрузкой на семьи. Снабжением одеждой и продовольствием занимался станичный.

Самое интересное, что все подразделения делились на две части - женскую и мужскую, у каждой части были свой господарчий и станичный. Женщины занимались ремонтом и пошивом одежды, стиркой белья, перевязочного материала, уходом за ранеными.

Среди населения села велась в обязательном порядке политработа по разъяснению идей ОУН-УПА, а занимались ей политработники ОУН, причем для каждой категории населения разные, отдельный для мужского населения, отдельный для женщин (обычно женщина), а также раздельно среди юношей и девушек. Помогали им в этом все священники греко-католической церкви, говоря в своих проповедях, что надо слушаться своих защитников, так как они несут свободу и право владения землей.

В каждом селе был пункт связи, представлявший собой хороший крестьянский дом, владельцы которого были так называемыми пунктовыми связями.

В этом пункте было организовано круглосуточное дежурство, так как любое время дня и ночи мог прийти связной с шифрованным донесением. Связными практически всегда были молодые девушки в возрасте от десяти до семнадцати лет.

Легенда перемещения по маршруту была тщательно отработана. Обычно они шли к родственникам в соседнее село, таким же содержателям пункта связи. Мы, когда это узнали, поступали так: переворачивали эту девушку вдвоем вверх ногами и начинали трясти до тех пор, пока из ее бюстгалтера не выпадет шифрованное донесение.

Широко использовалась система условных знаков для внешних наблюдателей, находящихся вдоль дороги от села к селу в пределах видимости друг друга. В этом случае использовали мальчишек. Их же использовали для наблюдения за передвижением и местами дислокации наших войск.

Следующий уровень - это станица, объединение трех сел. Ее руководство находилось в одном из этих сел. Состояло из станичного станицы, ведавшего размещением, постоем и снабжением всем необходимым сотни УПА (это 100-150 человек боевиков), господарчого станицы, руководившего службой заготовки припасов в этих селах.

В каждой станице была боёвка СБ (служба безопасности) из 10-15 человек, тщательно законспирированных, с виду местных жителей. Отличались они невероятной жестокостью, хуже всяких дудаевцев, убивали при малейшем подозрении на сотрудничество с советскими властями.

Как пример - случай с семьей Ивана Семёновича Рухи. Он был вызван в райотдел НКВД для допроса по поводу участия в бандеровских бандах. Был признан невиновным, уехал домой, и в тот же день была расстреляна вся его семья вместе с детьми и сброшена в колодезь.

Иван оказался тяжело раненым. Вылез из колодца, добрался до гарнизона и рассказал об участниках расстрела, среди которых оказался и председатель сельсовета - член боёвки СБ.

В станице был свой следователь, получавший сведения от своих информаторов в селах, обрабатывавший их и при надобности передававший в службу безопасности станицы или выше.

Содержатели пункта связи станицы имели выход на вышестоящие уровни руководства и имели в своем распоряжении одновременно до двадцати связных. И никогда не забывалась политико-воспитательная работа с населением. Для каждого возраста и пола имелся свой отдельный воспитатель, снабжающий своих подчиненных необходимой литературой и агитационными материалами.

На уровне подрайона и района в УПА сдержались кош и курень, по нашему войсковому уставу - это пехотный полк, численностью до 2000-3000 человек.

Кош отличался от куреня тем, что в нем были артиллерийские и механизированные соединения. Районное и подрайонное руководство находилось в крупных селах, входящих в этот подрайон или район, там же находился штаб и командование куреня. Они не любили жить в лесу, хотя там у них были построены с помощью немецких инженеров бетонированные бункеры, хорошо замаскированные, с водяным и электрическим снабжением.

Бывало, после войны загонишь отряд УПА в лес, все в окружении. Входишь в лес. А там никого нет, все в землю попрятались. Берешь длинный железный штырь и начинаешь протыкать землю, пока не обнаружится бункер.

ПРИЗЫВ В ОУН-УПА

На этих уровнях в ОУН-УПА существовала и своя прокуратура, и следственный аппарат, состоящий из выпускников юридических факультетов Львовского, Варшавского и Краковского университетов, украинцев по национальности, работавших в тесной связке с районными боёвками службы безопасности. Для проведения следствия имелись тайные тюрьмы для содержания и пыток заключенных. Районная боёвка состояла из 10-15 хорошо обученных и вооруженных людей, по своей сути палачей, выполнявших карательные операции по распоряжению своего коменданта. Тот, в свою очередь, добывал сведения для проведения акций от следователей и прокуроров.

Узнавали сведения от своих людей на мелких административных должностях в сельсовете, райсовете, на постах бригадиров, председателей колхозов. В городских военкоматах и НКВД это были обычно технические работники, уборщицы, истопники, секретари-машинистки, повара в спецстоловых для оперсостава. Только однажды ОУНовцам удалось внедрить своего агента в нашу боевую группу, которая была

уничтожена при захвате куренного в одном из сел.

Призывом в УПА руководили коменданты мобилизационных отделов, в случае больших потерь в УПА по системе связанных станичным передавались требования на мобилизацию нужного количества людей, за уклонение от призыва - расстрел.

Особое внимание надо уделить "сотне отважных юношей" и такой же "сотне отважных девушек" при отделе особого назначения. Это была настоящая кузница кадров ОУН-УПА.

Вся молодежь делилась на три возрастных группы, 10-12 лет, 13-15 лет и 16-18 лет. У всех этих половозрастных групп были свои задачи, действия и спрос. Самые младшие использовались как наблюдатели, разведчики и связные, более старшие - как диверсанты. Например, в "сотне отважных юношей" при отделе особого назначения начинал свою "трудовую деятельность" в качестве разведчика **будущий президент Украины Леонид Кравчук**

О том, насколько это была серьезная организация, можно судить по тому, как они вели наблюдение за танковым резервом 1-го Украинского фронта, стоявшего в Тучинском лесу в 1944 году с последующим наведением на него немецкой авиации. Не любили мы этих юношей, бывало, окружим банду, убившую наших товарищей, а они бросают оружие, поднимают руки и кричат, что они дети.

А "сотня отважных девушек" при этом же отделе - так это самые настоящие садистки, мы их и в плен не брали, расстреливали на месте. Они на наших пленных солдатах отработывали практические занятия по наложению шин на сломанные конечности, ломая им руки и ноги, или разрезали их для изучения полевой хирургии и способов сшивания ран. Свои хорошо оборудованные районные госпитали на сто тяжелораненых они держали в труднодоступной лесной местности.

Надрайонные руководители предпочитали не светиться, находились обычно в лесу, в своих бункерах. У них там было все оборудовано для автономной жизнедеятельности: и электрическое освещение, и свой водопровод с канализацией, была радиосвязь с заграницей. На надрайонном уровне существовали школы младших командиров и политвоспитателей, аналоги тренировочных лагерей в Ичкерии, находившиеся в глухих карпатских лесах. Большинство из них было уничтожено в 1943 году партизанским соединением под руководством Вершигоры.

В лесах на Оржевских хуторах Глевальского района Ровенской области находился и Центральный провод ОУН-УПА, в хорошо оборудованном бетонном бункере со всеми удобствами, построенным под наблюдением немецких инженеров.

Виддиль при каждой области с подчинённой им дивизией существовали только в 1943-1944 годах. Их уничтожила наша армия в апреле 1944 года в сражении под Кременцом.

В городах влияние бандеровцев было гораздо меньше, чем в селе. В городе у них была только служба внешнего наблюдения и связные. А руководство ОУН боялось там находиться, так как НКВД в городе хорошо работало. Да и городское население, более грамотное и лучше разбиравшееся в политической обстановке, не хотело сотрудничать с бандеровцами.

Вот с этой тщательно законспирированной организацией СМЕРШу и пришлось воевать сразу после освобождения Украины. До конца войны советская власть заканчивалась в районных центрах.

В селе хозяевами были бандеровцы. Чтобы покончить с этим, после войны в западной Украине в каждом селе были размещены гарнизоны. На одну Ровенскую область понадобилась целая 13-я армия, после чего все стало вставать на свои места.

Бандитов загнали в лес и лишили снабжения, а СМЕРШ стал уничтожать в первую очередь главарей. После их уничтожения банды распадались, т. к. большинство людей было мобилизовано в УПА под страхом смерти, собственной и родственников.

"ПАЛАЧЕЙ НАМ ДОБИТЬ ТОЛКОМ НЕ ДАЛИ"

В 1945-1946 годах мы перебили банды на уровне куреней, кошей и сотен. А вот службу безопасности ("безпеки") этих жесточайших палачей нам добить толком не дали. Когда в 1946 году мы вышли на уровень надрайонного руководства, следы потянулись в ЦК Украины во главе с Хрущёвым. Тут нас и остановили.

В 1946 году свернулась работа по борьбе с бандеровцами в Ровенской и Львовской областях. Были ликвидированы отделы СБ, ОКР СМЕРШ, ББ (борьба с бандитизмом). Сняли с должности генерала Трубникова, руководителя Ровенского управления НКВД, и генерала Асмолова в Львовской области. А из Киева во Львов перевели по указанию Хрущёва генерала Рясного, как оказалось после, сочувствующего националистам.

В результате чего служба безпеки учиняла расправы над нашими людьми до 1950-х годов.

После смерти Сталина по амнистии, проведенной Хрущёвым, вышли на свободу все активные участники УПА-ОУН, возвратившиеся к себе на родину.

В 1950-1960 годах началось тихое восстановление ОУН. Начали они с выдвижения своих людей на партийные и хозяйственные посты, были случаи приема проводников идей ОУН и политреферентов ОУН в комсомол с дальнейшим карьерным ростом (яркий пример - Леонид Кравчук). А тех, кто им мешал, или запугивали, шантажируя жизнью близких, или устраняли под видом несчастного случая или бытовой ссоры.

В 1974 году я приехал на Западную Украину, и мои друзья рассказали, что на многих

высоких партийных и хозяйственных постах, не говоря о мелких, особенно в сельской местности - в Ровенской, Львовской, Ивано-Франковской областях - стоят люди ОУН. Бывший до 1972 года первым секретарем ЦК КП Украины Шелест скрывал все это от Москвы.

В конце так называемой перестройки, в 1989-1991 годах, благодаря предательской политике Горбачёва этот долго зреющий гнойник вскрылся. Возник "Рух" (по-русски - "Движение").

Подпитываемый деньгами Ватикана и западной диаспоры из Канады и Америки, начался планомерный захват власти "Рухом" на территории всей Украины. Начались захваты православных храмов греко-католиками при помощи боевиков из УНА-УНСО. Эта организация возродилась именно тогда как наиболее экстремистское политическое движение бывших бандеровцев, неудовлетворенных деятельностью "РУХа".

Бандеру и его сподвижников объявили мучениками и жертвами НКВД. Большую поддержку и идеологическое покровительство "Руху" и УНА-УНСО оказал бывший "храбрый юноша", на тот момент замзавотделом идеологии ЦК КПУ Кравчук, ставший затем председателем Рады, а после президентом.

Роман Носиков